

**МОЛЧАНИЕ В ДИАЛОГЕ: КОНВЕРСАЦИОННЫЙ
АНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАУЗ В ПОВСЕДНЕВНОМ РАЗГОВОРЕ**

Спиркина Анастасия Константиновна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

Эл. почта: spirkina.ak@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2849-6792

Для цитирования: Спиркина А. К. Молчание в диалоге: разговорный анализ как методология исследования пауз в повседневном разговоре // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. № 62. С. 95-120. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.4. EDN: NCDQQP.

В статье рассматривается проблема использования этнометодологического подхода, в широком смысле, и разговорного анализа (КА, анализа разговоров), в частности, для исследования роли молчания и пауз в повседневном диалоге. Указываются преимущества и недостатки КА для исследования диалогового молчания. В разговорном анализе молчание теряет большую часть своей загадочности, неуловимости и «невыразимости», так как обозначается на письме специальными знаками. Молчание, записанное на бумаге, становится объектом систематического наблюдения. С помощью указанной методологии, а также теоретико-методологической программы социологии повседневности в целом, автор развивает микроструктурный подход к анализу ситуации диалога. Согласно данному подходу, молчание и паузы внутри разговора более или менее регламентированы по длине и местоположению в структуре диалога (в зависимости от типа диалоговой коммуникации), а также сопровождающим их невербальным сигналам. Эта «регламен-

тация» в рамках этнометодологии становится видимой для исследователя не как культурные нормы или общие рамки приличия, но (не отрицая существование последних) как практики по построению локальной социальной структуры, техник воспроизводства, восстановления, объяснения и интерпретации взаимных действий. В связи с этим указывается на необходимость различения пауз по их структурной роли в разговоре и по рациональным объяснениям, которые им дают рядовые участники и наблюдатели на основе их практического использования и здравого смысла.

Ключевые слова: конверсационный анализ, этнометодология, молчание в разговоре, анализ пауз, структура взаимодействия, социология повседневности.

На классическом этапе своего развития социология имела дело преимущественно с большими, *яркими* событиями социальной жизни – процессами модернизации и индустриализации обществ, революциями, культурными трансформациями, массовыми движениями и другими коллективными феноменами. Явления микроуровня общества были скорее отражениями макропроцессов, чем самостоятельными, первичными единицами анализа. В середине 20 века в рамках зарождающейся тогда социологии повседневности, родоначальником которой считается А. Шютц, специфически социологический взгляд на мир распространился на незамечаемые, нерелексированные области социальной жизни – привычные *рутинные* действия. В каком-то смысле это был шаг в «темную область», прежде неважную, даже «бессмысленную», а потому и как будто не существовавшую для социологии – шаг в сторону микроуровня общества, понимания социальности в эпоху слома «больших нарративов», определявших судьбу человека и зачастую приносящих его в жертву коллективу.

Феномен молчания был раньше и до сих пор остается такой «темной зоной», которой для классиков социологии была повсед-

невность. При всей силе и неумолимости процессов «расколдовывания» и рационализации современных обществ, на которые М. Вебер указывал более ста лет назад, молчание остается поистине «магической» областью жизни, в которой находит выражение не только мистическое сознание религиозных виртуозов, но и поэтические, фантазмагорическое интенции сознания обычного человека. С литературой и философией у молчания сложились по-настоящему долгие и крепкие отношения. С серьезными же эмпирическими социально-гуманитарными дисциплинами, они пока только начинают робко зарождаться.

Тем не менее, это в каком-то смысле «родство судеб» повседневности и феномена молчания показывает нам направления, в которых «расколдовывание» и «прояснение» мира в области молчания могло бы произойти. Изучение его различных форм на микроуровне как реального практического феномена, присутствующего перед глазами исследователя здесь и сейчас, дает социологу чувство его осязаемости и ощущение «земли под ногами». Социология повседневности могла бы сыграть большую роль в разработке социологического теоретико-методологического инструментария для работы с феноменом молчания, какими бы ни были его реальные эмпирические проявления в социальной жизни¹. Разумеется, разработка новых или применение уже известных методов для изучения молчания является для этих целей первостепенной задачей.

Исследование разговоров – огромная предметная область, поле для приложения различных методологических подходов. Конверсационный анализ, как его отдельное направление, «вырастает» из социологии повседневности – главным его источником обычно считают этнометодологию Г. Гарфинкеля [1, с. 219-220].

---

¹ Более широко общеметодологические и общетеоретические соображения относительно молчания как объекта исследования в социологии развиты в [2]. Применение микросоциологического/микроструктурного подхода к различным эмпирическим формам молчания развиты автором в [3; 4; 5].

Хотя повседневным разговором интересовались исследователи не только в рамках нашей дисциплины, в целом можно связать интерес к живому повседневному диалогу с интересом к качественной методологии, поэтому внимание к повседневным речевым взаимодействиям объединяет этнографов, психологов, социолингвистов, философов, а также представителей дискурс-анализа, психоанализа и других исследователей интеракции.

Оставляя за скобками вопрос о том, по каким причинам диалог начинается, каковы его цели и прагматические итоги, в данной статье мы хотели бы сосредоточиться на самом течении повседневного разговора и на роли молчания в нем. Диалог, с точки зрения социологов, какими бы ни были их теоретические предпочтения, может представлять собой два различных (но связанных между собой) явления. С одной стороны, это «арена» для разворачивания социальных отношений – место и время, удобные для фиксации отношений власти и подчинения, социального действия, солидарности/конфликта и других концептов, обычно входящих в арсенал именно макросоциологов. В диалоге, как в микрокосме, находят отражение некоторые процессы, выходящие на макроуровень социальной жизни.

Второе «видение» диалога – интерактивное. Изучение молчания в диалоге здесь – это исследование локальной социальной структуры и того, как в ней участвует молчание. В случае повседневного диалога эта структура – принципиально нестрогая. Диалог отличается от постановки или ритуального действия своей относительной структурной непредсказуемостью, поэтому разговор о его структуре – это разговор только о ее общих местах. В разговоре мы не знаем, что скажет собеседник и обычно не можем распланировать реплики дальше одной фразы (своей и потом партнера). Тем не менее, как бы парадоксально это ни звучало, повседневный диалог – это и *постановка* (разыгрывание «себя» перед другим), и *ритуал* (повседневного взаимодействия). Однако, актерство, которое используют люди,

проявляется не столь явно, чтобы мы считали повседневные разговоры чистой подделкой и не могли усмотреть в них ни капли искренности [6, с. 687]. Интерактивное понимание диалога включает в себя в том числе рассмотрение «постановочных», «театральных» механизмов молчания, которые используют люди в повседневных разговорах.

Молчание в диалогах будет разным в зависимости от того, как в данный момент разговора его участники определяют ситуацию. При этом партнеру по диалогу обычно без слов удастся правильно понять тип коммуникативной игры. Если диалог предполагает обилие вариантов интерпретации молчания, например, молчание из задумчивости, молчание в шутку, молчание как обида, молчание как флирт и т.д. и т.п., двум людям приходится определять и по необходимости переопределять ситуацию и место в ней молчания на протяжении диалога. Чем более жестко структурирован разговор, тем более ограниченным набором способов должно определяться молчание. В крайней точке этого спектра лежит ритуальное действие.

Несмотря на внешнюю «простоту» повседневного разговора, молчание и паузы внутри него могут легко менять свой смысл для участников и наблюдателей: превратиться в некую тренировку по самоконтролю, состязание в эмоциональной устойчивости и «силе характера» или являться выражением враждебности. Хотя разговор представляет собой комплексное явление, иногда сопровождающееся множественным рефреймингом (от обычных шуток и иронии до флирта и умышленного введения партнера по общению в заблуждение), высказывания в повседневном разговоре (как и паузы) подчиняются для участников логике здравого смысла, основанного на рациональных объяснениях и практической необходимости, а для социолога – внешнему «контексту» и внутренней структуре ситуации.

Молчание — ответ?

Когда грудничок лепечет непонятные слоги или даже просто кричит, мама часто отвечает ему совершенно обычными словами, так, будто он начал совершенно обычный разговор, произнес какую-то реплику в диалоге с ней или задал вопрос, на который должен последовать ответ — особенно, если такая «реплика» раздалась из тишины. Иногда точно так же поступают хозяева домашних животных, наверное, кроме владельцев аквариумных рыбок. И. Гофман тоже отмечал эту «диалоговую» настроенность нашего сознания: «Если во время уличной политической акции вдруг залает собака, на нее, с большим или меньшим успехом, можно не обратить внимания, но если ее угрождает залаять как раз на стыке реплик и лай будет воспринят как комментарий к только что сказанному, то с этим впечатлением будет трудно справиться. Аудитория будет охвачена смехом или попытками подавить смех» [6, с. 285]. Данные примеры иллюстрируют некоторую склонность человеческого сознания к «диалогизации» действий и звуков, или, выражаясь иначе, к восприятию речевых действий как направленных на социальную реальность, относящихся к социальному, к Другому. Это свойство нашего мышления формируется благодаря усвоенному и постоянно воспроизводимому социальному порядку разговора. Неудивительно поэтому, что и молчание часто интерпретируется именно как *реплика в диалоге* и ставится в такие семантически нелепые предложения, как «что ты хотел сказать своим молчанием?», «о чем они молчат?» и т.д. Более того — молчание не только интерпретируется таким образом, но еще и в действительности намеренно используется в качестве ответа. И наоборот — если собеседника по близости нет, необходимо сохранять молчание, а если этого не делать и быть застигнутым за разговорами с самим собой, придется придумывать оправдания и терпеть чувство неловкости.

С другой стороны, молчание не всегда наполнено каким-то особым смыслом, который необходимо раскрыть. В таких случаях мы говорим: «просто... я набирал воздуха / подбираю слово / задумался / вспоминаю что было дальше в этой истории» и т.п. Короче говоря, люди либо придают молчанию в разговоре особое значение, либо наоборот, стараются не обращать на него внимания. Разница здесь, скорее всего, находится на границе между сознательным, намеренным, лично-волевым и неосознанным, структурно-зависимым молчанием.

Д. Курзон также разделяет преднамеренное и непреднамеренное молчание [7]. Собственно, молчание и речь для него – это альтернативы. Если человеку был задан вопрос, он может выбрать речь, а может выбрать молчание, поэтому последнее так же является речевым действием. Исследователь фокусирует свое внимание на молчании как на результате сознательного выбора. Он пытается ответить на вопрос: что бы все-таки сказал коммуникант, если бы *сказал*, а не *промолчал*? Как молчание можно словесно проинтерпретировать? Очевидно, такая модель предполагает сильного субъекта. Намерение молчать – действие скорее исключительное, иногда даже героическое, но оно вряд ли может являться основой механики повседневного диалога. Когда молчание заменяется невысказанной речью, анализ молчания, по сути, сводится к языковому анализу.

Курзон верно подчеркивает, что есть ситуации, непохожие в этом отношении на простой повседневный диалог, когда ответ на вопрос принудительным образом «вытягивается» из нас силами институциональной власти и особенностями самой ситуации: вопрос в кабинете у врача, сотрудника таможенной службы, полицейского, учителя в классе, даже вопрос интервьюера в исследовательском интервью или вопрос журналиста. Молчание – отказ отвечать – может восприниматься как попытка ограничить, сломить или захватить власть. При этом в подобных ситуациях молчание может быть вызвано сильными эмоциями,

страхом ответить неправильно, смущением (например, в случае осмотра или опроса врачом-гинекологом/урологом). В то же время полное молчание по отношению к субъекту власти ставит под сомнение его способность владеть ситуацией и вести ее в то русло, в которое он хочет.

Хотя мы можем использовать логику Д. Курзона и считать, что молчание в разговоре постоянно интерпретируется говорящими, мы не думаем, что это что-то нам дало бы в исследовательском плане кроме догадок, так как мы не можем наверняка знать обдумывается ли конкретное молчание собеседника в контексте породивших его психических причин. Более продуктивным для наших целей мы считаем взгляд на данную ситуацию как на локальную структуру, выстраивающую рамки, в которых молчание воспринимается уместно или неуместно в конкретном месте разговора и ведет к тем или иным структурным исходам. Возможно, человек рефлексировал над мотивами молчащего; возможно, он просто думает, как ему самому дальше поступить и что сказать. Если верно наше предположение, что в повседневном разговоре нарочный слом коммуникации случается редко, и люди вступают в диалог и продолжают его добровольно, то молчание в большинстве случаев можно так же считать одним из компонентов социального порядка, разумно и рационально встроенного в структуру повседневного диалога.

Мы не хотели бы отрицать молчание «по личным мотивам», хотя бы потому что сама разговорная практика показывает, насколько эффективно в качестве объяснения может работать концепция преднамеренного молчания и насколько она распространена среди людей. Спорить с ней не имеет никакого смысла. Тем не менее, следовало бы указать, что диалог как событие, «отрезок реальности», *не является плоским, но структурирован* (или, лучше сказать, «самоструктурируется» в процессе его производства), что формирует зоны, где молчание, как и говорение, приобретают не просто разные оттенки смысла, но и вообще

могут стать исключительно неуместными или, наоборот, необходимыми. Проще говоря, когда человек *сам захотел* использовать молчание как диалоговую стратегию, он сталкивается с необходимостью вставить свое молчание в то место диалога, в котором это не прозвучит грубо, сопроводить молчание некоторыми признаками вовлечения в разговор, сделать его понятным, разумно объяснимым, и закончить молчать не слишком поздно, чтобы пауза не показалась неуместной или неловкой. С вопроса, как часто и как долго молчит конкретный человек с его индивидуальными психическими особенностями, биографической ситуацией и набором социальных статусов, мы хотели бы переместить фокус внимания на то, как часто и в какие моменты любого члена общества заставляет молчать конкретная ситуация.

Этнометодологический подход к молчанию

В 1999 году Майкл Линч опубликовал статью, содержание которой по большей части представляло собой разговор о дисциплинарно-отщепенческом статусе этнометодологии в социальных науках, ввиду неясности ее теоретических оснований, о которых она «многозначительно молчит» [8]. В данном тексте эта щепетильная проблема проиллюстрирована еще и этнометодологической картиной реального диалогового молчания. На примере описания поведения основателя конверсационного анализа, в сущности, можно понять в чем состоит этнометодологический подход к молчанию:

«Во время коллоквиума летом 1975 года Харви Сакс читал публичную лекцию об организации типа последовательности вопросов и ответов. После нее в зале встал один джентльмен и задал вопрос, который звучал примерно так: «Если бы я приставил пистолет к Вашей голове и попросил Вас назвать теоретика, оказавшего наибольшее влияние на Вашу работу, кого бы Вы назвали?». Сакс курил сигарету. ... Он сделал паузу.

Опустив голову и держа сигарету на краю пепельницы, он выдерживал паузу, периодически стряхивая пепел. Это продолжалось минуту или две. Пауза тогда казалась бесконечной. ... Затем Сакс поднял глаза и молча отказался отвечать на вопрос. ... Я понятия не имею, о чем на самом деле думал Сакс в то время, но для данной цели я не вижу необходимости исследовать его личные намерения или мотивы. Молчание Сакса было контекстным ходом. Оно было понятно только по отношению к предшествовавшему ему требованию. Это было частью диалога. ... Сакс не просто не смог найти ответ. Его явно нарочитое молчание и последующий отказ были мужественно нетрадиционными: они представляли собой акт гражданского неповиновения, обнажавший дерзость требования человека, задавшего ему вопрос» [8, р. 211-212].

Контекстом этого молчания были некоторые трудности, которые испытывала этнометодология по поводу своей теоретической и литературной традиции, потому что ее либо нет вовсе, либо она не имеет никакого значения, либо она глубоко вторична перед эмпирическими аналитическими упражнениями, на основе которых и Гарфинкель, и Сакс выстраивали свою работу со студентами. Хотя лекционный материал того же Гарфинкеля демонстрировал глубокое знание многих сложных концепций, он был весьма абстрактным и вводил студентов в замешательство. К тому же основатель этнометодологии подчеркивал важность обретения мастерства, которого можно достичь только при работе с «материалом», коим могли являться письменные тексты, магнитофонные записи и стенограммы, коллекции фотографий, полевые наблюдения и показательные выступления. Теоретически же, можно сказать, этнометодология «основана ни на чем», что и создает для нее «умолчание о теории». Она страдает «этнометодологическим безразличием», в том смысле, что ей не интересно является ли порядок, который она изучает рациональным, эффективным, демократичным, безопасным и т.д., она не выис-

кивает ошибки или дисбалансы. Вопрос лишь в том, как порядок воспроизводится в действиях.

Этот пример показывает, как, собственно, производится этнометодологическое знание – указание на контекстные ходы, действия как диалоговые стратегии, внимание к деталям, игнорирование всего «скрытого», в том числе личных мотивов и «невыразимых мыслей». Этнометодология молчания способна заставить нас посмотреть «на поверхность» действий, не углубляясь в то, что нам недоступно, но она отнюдь не банальна, когда описывает событие (молчание) как «практику», совершающую определенное действие во взаимно-обменной социальной структуре события.

Конкретные результаты применения этнометодологического подхода к анализу диалогового молчания будут рассмотрены нами ниже. Во всяком случае, то, что этнометодология, и микро-социология в целом, ясно дают нам понять относительно молчания – к данному объекту изучения невозможно подходить с позиции объективно присущего ему (невыраженного словами) смысла, который мы должны обнаружить. Значение молчания существует только в контексте деятельности.

Возможности и ограничения конверсационного анализа в исследовании пауз

Молчание в повседневном разговоре имеет не случайный, а систематический характер, играет определенную роль в структуре диалога, занимает в нем свое место. При этом молчание в диалоге индексично, то есть, определяется контекстом действия, а не имманентными смыслами. «Заметить» молчание в разговоре без звукозаписывающих средств, конечно, можно, однако в таком случае, предмет исследования существенно ограничивается таким молчанием, которое нам легко вспомнить – длительные паузы, наполненные сильными эмоциями – неловкостью, сты-

дом, душевным волнением. Помимо того, что такое наблюдение не будет точным, оно не будет ни новым, ни интересным. Подобного рода паузы хорошо описаны в литературе и философии, и лишь приоткрывают для нас сферу диалогового молчания в наиболее драматичной его форме.

Конверсационный анализ лишает молчание его загадочности, неуловимости и невыразимости, потому что обозначает все разговорные паузы на письме специальными знаками. Молчание, записанное на бумаге, становится объектом систематического наблюдения. Анализ разговоров – это исследовательский инструмент, с помощью которого становятся видны и фиксируемы невербальные аспекты коммуникации. Связано его развитие с появлением портативной звукозаписывающей техники. На сегодняшний день в любом смартфоне есть встроенный диктофон, технически обеспечивающий удобство и незаметность аудиозаписи. Еще лучше невербальные компоненты коммуникации передает видеозапись, однако, ведение видеозаписи может быть замечено коммуникантами, что нарушает естественное течение разговора и серьезно затрудняет для нас сбор данных.

Транскрипт в конверсационном анализе полезен в качестве фиксации пауз, подсчета их количества и длительности. Он позволяет систематизировать и квантифицировать анализ, приближая исследовательские выводы к идеалу научной обоснованности. Для данных целей транскрипт существенно облегчает анализ. Еще одно достаточно очевидное преимущество транскрипта перед аудио- или видеозаписями – возможность использовать его фрагменты в научном тексте. Однако, понимание смыслов молчания, коих может быть великое множество даже в рамках обычного повседневного диалога, с помощью транскрипта едва ли осуществимо в достаточной мере. Цифры в скобках, возможно, могут натолкнуть на понимание значения конкретной паузы, но не дают достаточно подробной картины ситуации. Поэтому анализ разговоров, направленный на раскрытие структуры диа-

лога, уместно проводить одновременно и с транскриптами, и с аудиозаписями (или видеозаписями – в зависимости от исследовательского фокуса). Тем не менее, даже аудиозаписи могут «проглатывать» важные детали ситуации – куда и какие участники перемещаются, какие при этом жесты и выражения лиц они производят, – доступ к которым не восстановить даже в памяти, если аудиозапись делал другой человек.

Транскрипт придает эмпирическому исследованию повседневного разговора формальность и строгость, оставляя его в поле качественной социологии. При этом конверсационалисты используют в качестве эмпирического материала примеры, которые не обладают ни в каком смысле систематичностью, но зато обладают эмпирической реальностью и организованностью, которая имела место в данном разговоре. Преимуществом метода является ориентация не на субъективные представления о чем-либо, а на реальные (в том числе речевые) действия участников разговора.

Таким образом, современный исследователь повседневного диалога сталкивается с выбором из трех альтернатив: аудиозапись (с транскриптом или без), видеозапись (с транскриптом или без) и простое наблюдение (с последующей письменной фиксацией с той мерой подробности, которую позволяет память). Выбор, как обычно, осуществляется согласно задачам и возможностям конкретного исследования.

Эмпирически молчание в диалоге фиксируется тогда, когда молчат все участвующие в нем субъекты. Хотя молчание одного из участников весьма интересно, и связано с важнейшей темой организации очередности в разговоре (пока один говорит, другой молчит), нас будут интересовать только моменты разговора, когда молчат все его действующие лица. Именно такие зоны диалога сильнее всего ощущаются самими участниками как молчание и паузы. Они более, чем молчание слушающего, приближаются к тем структурным зонам разговора, где молчание замечается, рефлексивируется и нормируется.

Кроме того, в естественном языке молчанием может быть обозначено даже действие, которое включает в себя речь – т.н. «умолчания» (то, о чем нельзя говорить открыто, информация о чем не должна звучать). Последние не имеют прямого отношения к молчаниям и паузам в диалоге. Типичные проявления вранья и «ухода от темы» характеризуются акустическим молчанием в самую последнюю очередь. Вариантом стратегического действия при умолчании может служить перевод темы или «закрытие темы», которое может сопровождаться структурной паузой. Однако, если сам факт умолчания на определенную тему скрывается, этой паузы может и не быть.

Хотя изначально конверсационный анализ фокусировался на диалогах со многими участниками, закономерности возникновения в диалоге молчания и пауз проще увидеть на простых формах разговоров, а именно, когда количество участников не более двух-трех человек. Чем больше в разговоре принимает участие индивидов, тем сложнее с помощью аудиозаписи уловить момент, когда один человек использует в рамках разговора определенные конверсационные стратегии при помощи пауз. В частности, конверсационный анализ может дать нам увидеть, какой длительности паузы в диалоге были допустимы, а при каких участники начинали применять действия для нормализации диалога; после каких или перед какими действиями (или высказываниями) в диалоге появляется молчание; как с помощью молчания указывается на необходимость коррекции в диалоге и т.д.

Структурные зоны молчания в диалоге

Молчания и паузы в диалоге приобретают смысл не только через апелляцию к личным намерениям молчащего, рассмотренную выше как «молчаливый ответ», но и к их позиции и роли в структуре диалога. Молчание в диалоге (как и речь) направляется, канализируется самим порядком разговора, признанным в

равной мере всеми его участниками. Для исследования диалогового молчания в данной статье используется этнометодологический подход и анализ структуры ситуации. Ниже мы выделим несколько тем, развитых в указанных направлениях исследования диалога, дающих представление о месте и роли пауз в повседневном разговоре.

Некоторые паузы инициированы той «структурной осью» разговора, которому большое внимание уделили основатели конверсационного анализа – порядком очередности [9, с. 39]. Диалог всегда структурирован по тому, кто в данный момент взял себе слово. Во многих случаях, хотя и не всегда, чтобы передать или использовать свое право произнести реплику, необходима некоторая условность, своеобразный «ритуал передачи слова», который часто сопровождается паузой. Такая пауза является не просто «признаком уважения» партнера по взаимодействию, но признаком и сигналом для него, что мне понятна сама ситуация, распределение в ней социальных ролей и организация ее структуры на практическом уровне. Для участников разговора пауза «передачи слова» может интерпретироваться, например, как окончание темы или фразы одним из собеседников и продолжение ее или начало новой темы – другим. Для иллюстрации такого рода пауз рассмотрим фрагмент диалога, в котором двое друзей обсуждают какие билеты на поезд лучше взять²:

Пример 1.

Б: Если в поезде спать всю дорогу тогда да (1,7)

А: да СТО ПРОЦЕНТОВ уснем потому что поезд даже

---

² Эмпирическим материалом статьи служит пилотажное исследование, проведенное автором при участии студентов 2-го курса Социологического факультета ГАУГН в мае-июле 2023 года с использованием метода конверсационного анализа. В результате данного исследования было собрано и проанализировано 40 повседневных диалогов длительностью от 2 до 5 минут. Все диалоги записаны тайно, то есть, являются примерами разговоров в естественном виде.

по-моему на ласточку в пять утра (1,5) мы пока (0,5) ну не знаю мы ж долго не будем спать (0,5) считай сколько вот мы (0,5) все обычно просыпаемся в двенадцать (1,3) там в час, где-то ну допустим, условно

Б: С чего это в двенадцать=

А: =Не-не-не обычно просыпаемся вот допустим мы уезжаем (0,4) третьего числа в пять утра. (0,7) Второго числа мы встаем в двенадцать (2) а::: и получается мы прям целый-целый день (1,8) целый-целый день на ногах. (4,3) И мы уже мне кажется в пять утра мы прям (.) завалимся и уснем. (3,6) Вот. (2,3)

Б: Ну я тоже сказал сразу типа (1,8) тысяча (0,6) стоит намного больше чем два часа времени³

В «релевантных местах перехода» говорящий прерывается и дает слово другому, если этого не происходит, он продолжает говорить до следующего подходящего места перехода. «В любом месте перехода, в котором не реализуется ни одна возможность для высказывания, возникает возможность заминки и тем самым прерывания говорения» [10, с. 169]. Например, в четвертой реплике диалога (А) из трех возможных мест перехода (с завершающей интонацией и достаточно длительными паузами) передача слова произошла только на третий раз, подчеркнуто выделенный говорящим как конец реплики: «*целый-целый день на ногах. (4,3) И мы уже мне кажется в пять утра мы прям (.) завалимся и уснем. (3,6) Вот. (2,3)*». После первой паузы была

---

³ При составлении транскриптов мы использовали систему условных обозначений для кодировки устной речи, введенную в научный оборот Гейл Джефферсон [см.: 10; 11; 12]. Не имея возможности представить здесь данную систему целиком, приводим «ключи» лишь для тех знаков, которые использовались для иллюстраций диалогов в данной статье: «(1,5)» – длительность паузы в секундах; «(.)» – короткая пауза; «СТО» – сильный акцент на слове; «=>» – реплики произносятся без паузы; знаки препинания – для обозначения интонаций; вне зависимости от правил пунктуации; «двенад-» – прерванное слово; «а:::» – растянутый слог, «дтура» – интонационное ударение на слог.

предпринята попытка развития мысли. В данном случае пауза стала местом «коррекции» реплики А в условиях молчания Б.

То, как молчание внутри диалога воспринимается самими участниками зависит от того, в каком месте диалога оно возникло [10, с. 170]. Сравним две паузы похожей длительности из нашего примера: 1) «Если в поезде спать всю дорогу тогда да (1,7)» и 2) «получается мы прям целый-целый день (1,8)». В первом случае после паузы произошла передача слова, во втором – нет. Пауза (1,7) «принадлежит» скорее А (заминка перед началом реплики), чем Б, так как Б передал право говорить, окончив свою фразу. Пауза же (1,8) не является местом перехода, так как ни логически, ни интонационно фраза А еще не была окончена. Гарфинкель и Сакс указывают, что молчание может быть связано с определенным говорящим, так как смена очереди предполагает «передачу слова», не только как права говорить, но как *обязанности* [13, р. 294].

В повседневном разговоре (не в дебатах, ритуале или чем-либо еще) содержание и длительность высказываний заранее неизвестны, поэтому спрогнозировать, когда человек замолчит невозможно. Задержки могут быть как естественным следствием наступления места перехода, так и внезапным прекращением речи, там, где место перехода не предполагается. Обычно люди обоюдно понимают, что человек еще не все сказал, и слово пока не перешло им. При этом, если следующий участник не воспользовался релевантным местом перехода, кроме случая, когда к нему непосредственно обращаются, например, с вопросом, само появление места перехода в структуре разговора выглядит как пауза.

Если человек замолчал посреди своей реплики (логически, грамматически и/или интонационно его мысль не закончена), участники интерпретируют данное молчание как паузу, которую говорящий имеет право взять, если она не слишком длинная. При этом они стараются найти ей рациональное объяснение (наби-

рает воздуха, вспоминает, подбирает слова и т.д.). Хотя молчание довольно «загадочно», использование молчания в разговоре не всегда предполагает использование его со скрытыми целями и мотивами. Наоборот, когда в разговоре используется молчание, так же, как и другой речевой акт, люди сами стремятся сделать его объяснимым, рациональным, правильно интерпретируемым, понятным так, как хотелось бы молчащему, и так, как способен понять адресат. Могут использоваться невербальные сигналы «объясняющие» для собеседника паузу.

Если пауза субъективно кажется затянутой, но передача слова пока не желательна, то используются протяжные звуки, заполняющие пустоту. Например, в высказывании «*мы встаем в двенадцать (2) а::: и получается...*» пауза из субъективно длинных 5 секунд превратилась в паузу из субъективно приемлемых 2 секунд за счет несодержательного звукового заполнения пространства протяжным «а». Молчание же, когда «нечего сказать», относится к особой форме «нечего сказать», так как обычно, когда слова не находятся, но желание поддерживать разговор есть, мы издаем какие-то звуки, или формулируем очень простые предложения [6, с. 659].

Еще одной базовой характеристикой разговора является наличие адъацентных (смежных) пар – связанных между собой пар реплик или действий в разговоре. Смежные пары имеют следующее свойство: если имеет место первая реплика / первое действие из пары, то ответ собеседника будет воспринят как ответ на эту реплику / действие. Например, после вопроса должен следовать ответ, после просьбы или приглашения – исполнение (принятие) или отказ. «*Б: С чего это в двенадцать // А: =Не-не-не обычно просыпаемся*» – в данном случае произошло наложение реплик (вполне типичный вариант): Б не успел закончить вопрос, А начал отвечать. Вторая часть пары наступает темпорально после первой. Даже если устного ответа не последовало бы, от А все равно ожидался бы ответ – вербальный или невербальный.

Паузы в диалоге должны быть поняты как части разделов диалога, проще говоря, они должны стоять на своем месте. В ответ на вопрос можно получить паузу, но не слишком длинную, и в сопровождении невербальных признаков раздумья, чтобы дать собеседнику время на формулирование своих мыслей и не перенимать его очередь для продолжения или же «починки» разговора. В смежных парах существуют предпочтительные и неpreferchitelnyye ответы. Чаще всего задержка встречается перед неpreferchitelnyymi ответами [1, с. 231]. В нашем примере Б высказал вопрос-недоумение, после чего сразу же последовал ответ-объяснение от А (удовлетворение недоумения, ответ на вопрос).

Пара «вопрос-ответ» также зачастую служит для участников утверждением в вовлеченности в разговор партнера по взаимодействию. Структурно же при этом происходит учащение чередования реплик. Для иллюстрации приведем фрагмент бытового диалога между супругами:

Пример 2.

А.: Да это-то я знаю когда из банка тебе звонят ой блин у меня тут такой кринж недавно был вот я такая дура (2.0)

Б.: Че (1.5)

А.: Я не знаю вообще о чем я думала <...>

Дальше следует пространный рассказ о столкновении с телефонными мошенниками без смены реплик. Грамматически мысль А была завершена в первой реплике, но содержательно скорее означала только начало истории. Пауза длиной в две секунды заставила Б задать вопрос, подталкивающий А к рассказу истории, то есть, к продолжению, развитию своей реплики. Б воспользовался своей очередью в разговоре после того, как А выждала уже слишком большую паузу в том месте, где история А могла бы начаться. В данном случае связка «пауза – смена

реплики – пауза» – «(2.0) Че (1.5)» – структурно отделяет обмен репликами, который можно назвать «бытовым разговором» или «беседой», от «рассказа о мошенниках», встроенного в «разговор». То есть, в данном примере происходит введение во взаимодействие дополнительной внутренней «рамки». Именно поэтому на данной структурной границе возникает пауза, включившая в себя в данном случае и две смены реплик. Иногда паузы могут маркировать некоторые высказывания, которые следуют за ними, например, как «запоздалые мысли», «объяснения» – или в данном случае, как «рассказ истории о мошенниках».

Редко пауза, соединяющая две реплики, может затянуться дольше, чем это было бы психологически комфортно говорящим. Тогда они могут сказать о таком моменте диалога, что имело место «неловкое молчание». «Грубо говоря, молчание внутри чередов (не в релевантном месте перехода) – это «пауза», и другие первоначально не должны заполнять его своими репликами; молчание после возможной точки завершения – это первоначально задержка и его следует минимизировать; продолжительное молчание в релевантном месте перехода может стать заминкой» [10, с. 170].

Молчание обычно называется «неловким», когда диалог повис в воздухе, при том, что от него требуется движение. Из бытовых наблюдений нетрудно заметить, что далеко не всякое долгое или не слишком долгое молчание вызывает чувство неловкости или другие яркие эмоции. Почему некоторые паузы влияют на людей таким образом, а некоторые остаются незамеченными? «Когда у индивидов истощается их запас «пустяков», они оказываются официально в состоянии разговора при отсутствии темы для него; типичным последствием является озабоченность взаимодействием, переживаемая как «болезненное молчание» [14, с. 146]. Это происходит тогда, когда важнейшая из характеристик разговора, которую мы уже упоминали, – быть неким «фразовым пинг-понгом» – теряется, и разговор становится уже не очень похож

на разговор. Закономерный эмоциональный ответ на такого рода молчание – неловкость, растерянность, тревога. Само чувство неловкости подсказывает исследователю (и обывателю), что сейчас происходит нечто такое, чего лучше бы не происходило, – нарушение привычного порядка интеракции.

***

Социальные структуры повседневного взаимодействия, в которых каждый день вынуждены существовать и действовать люди, составляют основу жизни человека в обществе. Исследование повседневных практик человеческого общения не может ограничиваться только артикулированными смыслами, вложенными в слова, выражения и интонации хотя бы потому, что умение «правильно промолчать» так же отражает социальную компетентность в понимании локального социального порядка и, шире, культуры конкретного общества, как и умение уместно говорить.

Молчание является сложным для интерпретации объектом не только для социально-гуманитарных исследователей, но и для рядовых членов общества. Зачастую молчание одного собеседника означает совсем не то, что подумал второй. Вместе с тем, избегать этой сложности просто заменив молчание «невыраженными» словами, артикулировав его «подразумеваемый смысл», далеко не всегда продуктивно и оправдано, и помимо этого, не всегда возможно. Анализ роли молчания и пауз в диалоге ярко демонстрирует, что иногда молчание не имеет никакого (глубокого) смысла, кроме собственно микроструктурного. Паузы позволяют реализовывать разговор как событие, являясь при этом не «вакуумом», в котором располагаются слова, а полноценной его частью.

Однако, молчание может как встраиваться в коммуникацию, быть ее звеном, или компонентом, следствием и реализацией естественной структуры разговора, так и может быть тем, что ее

нарушает. Если в первом случае исследуется структурирующее разговор молчание, то во втором – мы должны выяснить, какие правила были нарушены через молчание и какими способами люди приводят такое взаимодействие в норму. Если ход в игре не был сделан, значит были нарушены ее правила. Таким образом, когда неуместное или странное молчание заставило участников коммуникации усомниться в серьезности актуальной социальной реальности или своем правильном ее понимании, взаимодействие выходит на мета-уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Улановский А. М.* Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016, т. 27, № 1. С. 218-237. EDN: VRNNTV.
2. *Подвойский Д. Г., Спиркина А. К.* В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022, № 6. С. 125-135. EDN: GRVUVS. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.
3. *Спиркина А. К.* Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023, № 7. С. 84-92. EDN: GJWUVH. DOI: 10.31857/S013216250026588-9.
4. *Спиркина А. К.* Конструирование социальности в практике «молчания у гроба» // Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. С. 244-257. EDN: EUOHOU.
5. *Спиркина А. К.* Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) // Вестник РУДН: Серия Социология. 2023, т. 23, № 2. С. 389-403. EDN: XSDHTJ. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403.
6. *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с. ISBN 5-93947-011-4. EDN: QOCOAX.
7. *Kurzon D.* Discourse of silence. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1998. 162 p. ISBN 978-90-272-8260-6. DOI: 10.1075/pbns.49.
8. *Lynch M.* Silence in context: Ethnomethodology and social theory // Human studies. 1999, vol. 22, № 2. P. 211-233. EDN: AGRAUL. DOI: 10.1023/A:1005440501638.

9. *Исупова О. Г.* Конверсационный анализ: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2002, № 15. С. 33-52. EDN: PEYINZ.

10. *Сакс Х., Шеглофф Э., Джефферсон Г.* Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2015, Т. 14. № 1. С. 142-202. EDN: TRRRAJ.

11. *Турчик А. В.* Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010, № 1. С. 21-36. EDN: PBDSHP.

12. *Jefferson G.* Glossary of transcript symbols with an introduction // Conversation Analysis: studies from the first generation / Ed. by G. Lerner. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2004. P. 13-31. DOI: 10.1075/pbns.125.02jef.

13. *Schegloff E. A., Sacks H.* Opening up Closings // Semiotica. 1973, vol. 8, № 4. P. 289-327. DOI: 10.1515/semi.1973.8.4.289.

14. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С. С. Степанова, Л. В. Трубицыной. М.: Смысл, 2009. 319 с. EDN: QXZUNR. ISBN 978-5-89357-276-6.

Сведения об авторе

Спиркина Анастасия Константиновна

Кандидат социологических наук, младший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, ассистент кафедры
социологии и культурологии МГТУ им. Баумана.

Тел.: +7-499-125-00-79

SPIN-код: 9208-8977

Elibrary Author_id: 1131791

Статья поступила в редакцию: 16.10.2025 г.

Статья принята к публикации: 23.04.2026 г.

**SILENCE IN DIALOGUE: CONVERSATION ANALYSIS AS A
METHODOLOGY FOR STUDYING PAUSES IN EVERYDAY
CONVERSATION**

Spirkina Anastasia K.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

spirkina.ak@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2849-6792

For citation: Spirkina A.K. Silence in dialogue: conversation analysis as a methodology for studying pauses in everyday conversation. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, no. 62, p. 95-120. DOI: 10.19181/4m.2026.35.1.4.

Abstract. The article examines the problem of using the ethnomethodological approach, in a broad sense, and conversation analysis (CA), in particular, to study the role of silence and pauses in everyday dialogue. The advantages and disadvantages of CA for the study of conversational silence are indicated. Conversation analysis deprives silence of its mystery, elusiveness and «inexpressibility», since it marks all conversational pauses in writing with special signs. Silence recorded on paper becomes the object of systematic observation. Using this methodology, as well as the theoretical and methodological program of the sociology of everyday life in general, the author develops a microstructural approach to analyzing the situation of dialogue. According to this approach, silence and pauses within a conversation are more or less regulated in terms of length and location in the structure of the dialogue (depending on the type of dialogue communication), as well as the non-verbal signals accompanying them. This «regulation» within the framework of ethnomethodology becomes visible to the researcher not as cultural norms or general frameworks of decency, but (without denying the existence of the latter) as practices for building local social structure, techniques for reproduction, restoration, explanation and interpretation of mutual actions. In this regard, the need to distinguish pauses by their

structural role in a conversation and by the rational explanations given to them by ordinary participants and observers based on their practical use and common sense is pointed out.

Keywords: conversation analysis, ethnomethodology, silence in conversation, analysis of pauses, interaction structure, sociology of everyday life.

References

1. Ulanovsky A.M. Phenomenology of conversation: Method of conversation analysis (in Russian), *Voprosy psiholingvistiki*, 2016, vol. 27, no. 1, p. 218-237.
2. Podvoyskiy D.G., Spirikina A.K. In the quiet..., between people...: silence as a subject of sociological study (in Russian), *Sociologicheskie issledovaniya*, 2022, no. 6. p. 125-135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.
3. Spirikina A.K. «Silence game» as a form of social interaction (in Russian), *Sociologicheskie issledovaniya*, 2023, no. 7, p. 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9.
4. Spirikina A.K. “Construction of sociality in the practice of “silence at the coffin” (in Russian), in: *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*, ed. by V.Y. Mikhailin. Saratov: IC «Nauka», 2023, p. 244-257.
5. Spirikina A.K. The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana) (in Russian), *Vestnik RUDN: Seriya Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]*, 2023, vol. 23, no. 2, p. 389-403. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403.
6. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience* (transl., in Russian), ed. by G.S. Batygin, L.A. Kozlova. Moscow: IS RAN, 2003. 752 p.
7. Kurzon D. *Discourse of silence*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1997. 162 p. DOI: 10.1075/pbns.49.
8. Lynch M. Silence in context: Ethnomethodology and social theory, *Human studies*, 1999, vol. 22, no. 2, p. 211-233. DOI: 10.1023/A:1005440501638.
9. Isupova O.G. Conversation analysis: The exposition of the method (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2002, no. 15, p. 33-52.
10. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation (transl., in Russian),

- Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 2015, vol. 14, no. 1, p. 142-202.
11. Turchik A.V. Conversation analysis of laughter in speech interaction: The case of the construction of the evaluations of power (in Russian), *Sociologicheskij zhurnal*, 2010, no. 1, p. 21-36.
  12. Jefferson G. “Glossary of transcript symbols with an introduction”, in: *Conversation Analysis: studies from the first generation*, ed. by G. Lerner. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2004, p. 13-31. DOI: 10.1075/pbns.125.02jef.
  13. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up Closings, *Semiotica*, 1973, vol. 8, no. 4, p. 289-327. DOI: 10.1515/semi.1973.8.4.289.
  14. Goffman E. *Interaction ritual: essays on face-to-face behavior* (transl., in Russian). Moscow: Smysl, 2009. 319 p.

Information about the author

Anastasia K. Spirkina

Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Assistant Professor at the Department of Sociology and Cultural Studies at Bauman Moscow State Technical University.

SPIN-code: 9208-8977

Elibrary Author_id: 1131791